

Посадков А. Л. Советская научная элита 1930-х годов под патронатом Комиссии содействия ученым при Совнарком СССР: быт, охрана здоровья, международные книжные связи (1934—1937) / А. Л. Посадков // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 433—443. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-433-443.

Posadskov, A. L. (2019). Soviet Scientific Elite of the 1930s under the Patronage of the Commission for the Promotion of Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR: Life, Health, International Book Relations (1934—1937). *Nauchnyi dialog*, 11: 433-443. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-433-443. (In Russ.).

УДК 94(47).084.6+001.89(47+57)(091)“1934/1937”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-433-443

СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ЭЛИТА 1930-Х ГОДОВ ПОД ПАТРОНАТОМ КОМИССИИ СОДЕЙСТВИЯ УЧЕНЫМ ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР: БЫТ, ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ КНИЖНЫЕ СВЯЗИ (1934—1937)¹

© Посадков Александр Леонидович (2019), orcid.org/0000-0002-2341-5415, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), knigoved@spsl.nsc.ru.

Статья посвящена истории Комиссии содействия ученым (КСУ) при Совнарком СССР, существовавшей в 1931—1937 годах. Сообщается, что КСУ заменила Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦКБУ), действовавшую при Совнарком СССР с 1921 года. Показано, что в первые годы своего существования Комиссия продолжала традиционные направления государственного кураторства над материально-снабженческой, жилищной, досуговой сторонами быта советских ученых (что было характерно для ЦКБУ), а затем, с середины 1930-х годов, Комиссия приобрела новые функции и усилила некоторые из прежних направлений деятельности, ставшие более востребованными в среде научных работников. В числе этих направлений названы, в частности, актуализировавшаяся к этому времени пропаганда научных достижений СССР, обеспечение ученых иностранной научной литературой, улучшение медицинско-санаторного обслуживания высшего слоя научной интеллигенции. Автор статьи утверждает, что Комиссия содействия ученым явилась эффективным инструментом управления советским научным сообществом со стороны тоталитарного государства. Доказано, что она решила в 1930-е годы задачу «покупки» лояльности и преданного служения верхушки научной интеллигенции коммунистической власти в обмен на льготы, привилегии и преференции.

Ключевые слова: Комиссия содействия ученым при Совнарком СССР; Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнарком СССР; советская наука; советские ученые; 1930-е годы.

1. Специфика работы КСУ в середине 1930-х годов.

Усиление лечебно-санаторного обслуживания ученых

Продолжая рассказ о Комиссии содействия ученым при Совнарком СССР, начатый в предыдущей статье [Посадков, 2019, с. 407—421], и отталкиваясь от историографии и круга источников, приведенных в этой же статье, автор позволит себе краткое замечание о той ситуации в советском научном сообществе, которая сложилась в условиях 1934—1936 годов — в то время, которое государственная пропаганда СССР окрестила эпохой построения «основ социализма».

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00170.

Успехи советской модели индустриализации были налицо, крестьянство оправлялось от голода 1932—1933 годов. В среде научной интеллигенции также царил подъем, вызванный невиданным ранее ростом научных, в особенности технических, исследований, что внешне выражалось в увеличении сети научно-исследовательских учреждений, вузов, конструкторских бюро, специальных журналов и развитии научно-технического книгоиздания вообще. Идеология возвеличивала культ знаний, государственные ведомства, связанные с наукой (Наркомпрос, Наркомат тяжелой промышленности, Академия наук СССР, Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Центрального исполнительного комитета советов СССР и др.) предлагали научной элите страны грандиозные планы работ.

Другая сторона этих процессов состояла в том, что государство стало больше нуждаться в услугах научной интеллигенции и было согласно смягчить свое, прежде суровое (в 1928—1933 годах), отношение к ней. Наряду с коллективистскими ценностями в сознании ученых все большую значимость начинают приобретать индивидуалистские ценности частной жизни: личное здоровье, полноценный отдых. Наступила некая неустойчивая стабильность научной среды, которая затем, в августе 1936 года, была сметена начавшимися политическими судебными процессами.

В сложившихся обстоятельствах Комиссия содействия ученым (КСУ) при СНК СССР получила возможность усилить свою деятельность, развернув крупное жилищное строительство для верхушки Академии наук, увеличив затраты на организацию культурного досуга ученых и т. п. (о чем говорилось в предыдущей статье). Заметные подвижки произошли и в вопросе поддержания здоровья элитного круга ученых.

Комиссия содействия ученым продолжила и расширила работу по лечебному и санаторно-курортному обслуживанию ученых, начатую еще в 1920-е годы предшественницей КСУ — Центральной комиссией по улучшению быта ученых при Совнаркоме СССР (ЦЕКУБУ). Организация лечения и отдыха ученых была очень актуальна как в 1920-е годы, так и десятилетие спустя: здоровье многих клиентов ЦЕКУБУ / КСУ было подорвано трудными условиями жизни и быта. Медицинская секция Комиссии всегда являлась одной из самых работоспособных и популярных.

Еще в 1922 году ЦЕКУБУ открыла для ученых из своего списка дом отдыха в подмосковном имении Узкое, однодневный дом отдыха «Сосновый бор» в Болшево, санаторий в Гаспре (в Крыму) [Иванова, 1980, с. 196; Хабибрахманова, 2008, с. 79]. Сеть лечебных учреждений постепенно расширялась. В середине 1930-х годов КСУ уже имела в своем распоряжении дома отдыха в Узком, Сосновом Бору, Петергофе, санатории в Гаспре, Кисловодске, Ялте и санаторий «Наука» в Сочи — самый большой и комфортный, строившийся с 1935 по 1947 годы. Из-за трудностей с продовольствием в начале 1930-х годов дома отдыха КСУ стали «обрастать» молочно-животноводческими и огородными хозяйствами [Пушкарева, 2017, с. 331; Хабибрахманова, 2008, с. 80–81]. Кроме всего прочего, Комиссия содействия ученым имела в Москве свою поликлинику им. А. Б. Халатова (председателя ЦЕКУБУ в 1922—1931 годах) и Ленинградский дом престарелых ученых, предназначенный для одиноких стариков, патронируемых КСУ [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 376, л. 1—42]. Об уровне подготовки

персонала в лечебных учреждениях КСУ говорит хотя бы тот факт, что в санатории «Узкое» лечащим врачом работал проф. Д. Д. Плетнев — личный врач А. М. Горького.

В 1930-е годы функции медицинской секции КСУ расширились, она могла браться и за решение нестандартных задач. Есть примеры, когда по просьбе КСУ отдельные ученые госпитализировались в Кремлевскую больницу, принадлежавшую Санитарному управлению Совнаркома СССР. Так произошло в сентябре 1935 года, когда по договоренности КСУ с Санупром в Кремлевскую клинику был помещен академик В. П. Горячкин [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1. д. 735. л. 13, 15]. У Комиссии появилась возможность просить от Совнаркома валютные средства для специальных медицинских целей. В июле 1935 года КСУ получила через Наркомфин 200 марок и передала их академику Л. И. Прасолову для приобретения за границей электрического слухового аппарата. Академик был командирован в Англию на III Международный конгресс почвоведов, и хороший слуховой аппарат потребовался ему для полноценной работы на конгрессе [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1. д. 735, л. 26, 35, 37].

Академия наук в эти годы, не имея зачастую возможности отправить своих членов для лечения за границу, обращалась за содействием к КСУ, которая могла добиться валютных средств для каждой конкретной поездки. Так произошло, например, в августе 1935 года, когда Академия просила КСУ отправить академика А. Н. Северцова на курорт в Карлсбад (современные Карловы Вары, Чехия) для лечения [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 735, л. 20]. Почти с аналогичной просьбой обратился в Комиссию содействия ученым академик В. И. Вернадский. Ученый отправился 16 августа 1935 года в трехмесячную командировку в Прагу, где был намерен работать над книгой о биогеохимической энергии Земли. Оттуда он собирался поехать для лечения в Карлсбад. И если командировка в Чехословакию была оплачена Академией наук, то валютных средств на лечение всемирно известного основателя концепции ноосферы у Академии не нашлось. АН отправила ходатайство В. И. Вернадского в КСУ. Заметив, что «Академия и сама должна была бы дать эту сумму», академик терпеливо ожидал в Праге денег на лечение, время от времени напоминая КСУ о своей просьбе. Ожидание продлилось три недели, пока, наконец 9 сентября 1935 года ответственный секретарь Комиссии М. Орлов не отправил в Совнарком просьбу о переводе Вернадскому 500 рублей на пражский адрес [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 735, л. 17—19, 21, 22].

2. Новые и радикально обновленные направления деятельности КСУ: от замыслов к итогам

КСУ в начале 1930-х годов пробовала развивать в своей деятельности ряд новых направлений, которыми не занималась ранее существовавшая ЦЕКУБУ. В Постановлении Совнаркома о создании Комиссии содействия ученым на последнюю возлагалась обязанность способствовать изданию научных трудов авторов, которые обслуживались Комиссией. И в 1931—1934 годах такая работа действительно проводилась. КСУ вступала в переписку с издательствами об ускорении выпуска отдельных книг [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 355, л. 1—56], по поводу наиболее важных вопросов научного книгоиздания обращалась в ЦК ВКП(б) [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 508, л. 1—34]. Но все это прекратилось в последующие годы, поскольку не имелось серьезных ос-

нований для вмешательства Комиссии в издательские дела: разветвленные структуры научно-технических издательств ОГИЗа (Объединения государственных издательств РСФСР) и вузовского книгоиздания с середины 1930-х годов обеспечивали расширенные и ускоренные темпы выпуска научной и учебной литературы.

В начале 1930-х годов, после бурных лет «великого перелома», из сознания советских чиновников, по-видимому, еще не выветрились призывы мобилизовать общественность на борьбу за социализм, вовлекать граждан в эту борьбу через добровольные общества и т. д. В июле 1933 года перед Комиссией содействия учебным была поставлена задача активизировать старые и создавать новые научные общества, ассоциации и объединения. Были составлены списки научных обществ СССР, и началась переписка с НИИ, вузами и отдельными учеными об организации других аналогичных структур [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 502, л. 1—115]. Во второй половине 1934 года надобность в этой работе угасла так же неожиданно, как и появилась. Всем, по-видимому, стало ясно, что происходившие события утверждали совсем иную логику перемен: побольше государственного и поменьше общественного в жизни страны.

Внезапное желание расширить сегмент научных обществ в СССР, возможно, было связано с необходимостью поднять престиж советской науки в глазах международной научной общественности. Последнее же диктовалось поставленной перед государственными органами задачей — привлечь для работы в СССР большое количество иностранных ученых и специалистов. В марте 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о массовом приглашении и использовании иностранцев в СССР для работ по осуществлению индустриализации [Осокина, 2008, с. 144]. Соответствующие задания получила и КСУ.

Функционеры Комиссии развернули работу в двух направлениях. Первое состояло в помощи научно-исследовательским учреждениям и вузам страны в деле вербовки иностранных ученых и техников, согласования этой деятельности с государственными органами и с возможностями КСУ. Как только Северо-Американские Соединенные Штаты установили в 1933 году дипломатические отношения с СССР, Комиссия содействия ученым завязала переписку с Полномочным представительством СССР в Штатах об усилении связей между учеными двух стран и о приглашении американцев на работу в советскую Россию [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 535, л. 1—24].

Второе направление активной деятельности КСУ в вопросах международных научных контактов состояло в наведении глянца на внешний облик советской науки — с целью представить ее перед отечественной и мировой общественностью в наилучшем свете. Пропаганда достижений науки была поставлена КСУ в 1933—1934 годах на уровень важнейших задач. Стал готовиться к изданию международный (на европейских языках) перечень научных трудов ученых СССР с характеристикой каждого достигнутого исследователями результата [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 423, л. 1—91]. В 1934 году КСУ сделала предложение начальнику Главного управления фото-кинопромышленности при Совнарком СССР создать пропагандистский фильм «о достижениях научной мысли в СССР» [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 572, л. 1—27]. В течение 1933 года во всех научных учреждениях и вузах страны были вывешены

парадные «Доски почета» с фотопортретами ученых-«ударников» и «передовиков труда» [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 458, л. 1—19]. В январе — марте 1932 года Комиссия содействия ученым даже обсуждала с Наркомпросом РСФСР вопрос о возможности организации в СССР, по примеру западных стран, Национального комитета по защите ученых и об участии СССР в предстоящем Втором Международном конгрессе по защите ученых и исследователей. Предложения об этом исходили от оргкомитета конгресса [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 422, л. 1—28]. Разобравшись с вопросом, партийные верхи, разумеется, отклонили оба предложения, ведь, согласно официальной версии, ученым в СССР ничто не угрожало.

3. Содействие женщинам-ученым: «неудобный» запрос от Н. К. Крупской

Иногда Комиссии содействия ученым приходилось заниматься каким-либо вопросом, который неожиданно становился актуальным. В марте 1935 года Комиссия получила записку от заместителя наркома по просвещению РСФСР Н. К. Крупской с просьбой прислушаться к словам некой Н. Крамер, высказанным в ее письме на имя Крупской. Крамер жаловалась Крупской на дискриминацию женщин-ученых в советской науке: «Женщин-академиков в Союзе нет совершенно. Женщин — заслуженных деятелей науки — 1—2. Женщин — действительных членов (профессоров) научно-исследовательских институтов вряд ли больше двух десятков... К женщинам-ученым до сих пор не было проявлено достаточного внимания». Автор письма сообщала, что «женщины-ученые не пользуются в Комиссии содействия ученым при СНК СССР при различных ходатайствах — при прочих равных условиях — никакими преимуществами, между тем их единицы, а мужчин-ученых более тысячи. Мы почти не посылает за границу женщин-ученых». Н. Крамер напоминала, что у женщин-ученых много времени занимают семейные обязанности и вообще «для женщины выбор дороги ученого почти всегда связан с жертвой (приходится выбирать между наукой и детьми)». Автором письма было предложено выделить из «списка 1500 наших крупнейших ученых», который КСУ готовила для утверждения в Совнарком, «отдельную группу ученых-женщин», предоставить женщинам из списка КСУ лучшие материально-бытовые условия, «приравняв, может быть, их в этом отношении к академикам», снизить порог получения академической пенсии для женщин с 25 лет стажа работы в научных учреждениях до 20» [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 722, л. 6—8].

Предложения Н. Крамер, судя по документам, вызвали в КСУ определенное недовольство и получили отпор, ведь автор письма в своем бунтарском порыве покусилась на основу основ деятельности КСУ — номенклатурный принцип распределения благ. Чиновники КСУ составили перечень женщин-ученых, обслуживаемых КСУ (из общего списка 1500—1800 человек таковых оказалось 27, плюс еще 22 сотрудницы НИИ и вузов, «близких по своей научной квалификации» к основному списку, которые также обслуживались КСУ). Список и ответ были направлены в адрес Н. К. Крупской и через нее Н. Крамер. В ответе руководителей КСУ приводились статистические данные Центрального управления народнохозяйственного учета, которые, якобы, опровергали заявления Н. Крамер о количестве женщин-ученых в СССР. По существу же ее предложений Комиссия фактически отвечала отказом: «Мы в сво-

ей работе неизбежно зависим от общего количества женщин, работающих в области науки, а количество это еще очень мало <...> КСУ не может сколько-нибудь существенно повлиять на увеличение притока женщин в область научной работы». КСУ обещала лишь включить в свой основной список всех женщин, состоявших в дополнительном списке. Предложение о снижении в отношении женщин стажа для получения академической пенсии признавалось «целесообразным». Остальные требования КСУ отклонила [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 722, л. 1а — 4].

4. Деятельность Книжного отдела КСУ

Совершенно особой сферой деятельности КСУ являлась работа ее Книжного отдела. Эта область научных благ стала в 1930-е годы для советских ученых одной из наиболее притягательных причин, заставлявшей сотрудников НИИ и вузов проситься на обслуживание Комиссии. Суть работы Книжного отдела состояла в том, что сотрудники отдела (которым до 1937 года заведовала Р. Карахан) получали от ученых КСУ заявки на приобретение за границей иностранной научной литературы (по профилю исследований ученого), закупали ее через Акционерное общество «Международная книга» и доставляли в распоряжение заказчиков. В 1920-е годы указанная схема получения книг и журналов из-за границы не была единственной. Ученый мог заказать литературу в Книжном отделе (который существовал в структуре ЦЕКУ-БУ изначально с 1922 года), но мог и воспользоваться услугами магазина-коллектора «Международной книги», в котором также продавались иностранные книги, имелись каталоги зарубежных научных издательств, картотека книжных товаров на складе и т. п. Магазин АО «Международная книга» располагался в центре столицы, по известному «книжно-библиотечному» адресу: улица Кузнецкий мост, 12.

В 1930-е годы положение изменилось: неконтролируемая покупка учеными иностранной литературы через «Международную книгу» была запрещена, правом такой закупки теперь пользовались только научные библиотеки и учреждения. Единственным каналом получения иностранных научных книг для индивидуального потребителя остался Книжный отдел КСУ. Область его компетенции была радикально обновлена и расширена. Архивные документы Книжного отдела являются самой крупной частью сохранившегося архива КСУ в фонде ГАРФ, кроме того, материалы работы этого отдела с заявками ученых в 1930-е годы составляют внушительную часть фонда № 465 (Информационно-организационное бюро иностранной научной литературы РАН) в Архиве Российской академии наук. Наличие такого массива документов говорит о масштабах и значении работы Книжного отдела в структуре КСУ.

В первой половине 1930-х годов Книжный отдел обладал целой сетью своих представительств в регионах СССР. Местным Секциям научных работников было предоставлено право собирать заявки ученых на иностранную литературу, согласовывать их с руководством Книжного отдела, неизбежно сокращая книжные аппетиты ученых и ранжируя их заявки по принципу иерархии должностей и заслуг. Это было весьма хлопотное и конфликтное занятие, многие ученые упорно не соглашались с отклонением их заявок. Каждый стремился попасть в заветную «обойму» получателей ценной книжной информации.

В первые годы существования КСУ Книжный отдел практиковал «разверстку» валютных лимитов на иностранную литературу по региональным Секциям научных работников. На места поступали сведения о валютных суммах (в золотых рублях), которые были отпущены ученым области (края, АССР) на выписку изданий в текущем году. Местные бюро Секции научных работников распределяли валютные средства между учеными в соответствии со своими представлениями о важности работы и авторитетности каждого, нуждающегося в иностранной информации. Составлялся список требуемых книг и журналов, который затем утверждался Книжным отделом в Москве. При этом отдел принимал на себя обслуживание иностранной литературой не только специалистов из основного списка Комиссии, но и тех местных ученых, которые «наиболее подходили к категории обслуживаемых КСУ». В качестве примера можно привести Горьковский край: здесь Книжный отдел удовлетворил в 1934 году заявки 7 ученых из списка КСУ и дополнительно еще 19 научных работников, которых Секция научных работников сочла необходимым поддержать [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 736, л. 1а, 5].

В ноябре 1934 года, когда КСУ получила указания Совнаркома СССР о сокращении контингента обслуживаемых ученых до 1500—2000 человек, Книжный отдел отказался от этой схемы распределения. Было объявлено, что отдел будет обеспечивать иностранными книгами и журналами «лишь выдающихся ученых», причем без посредничества Секций научных работников. Книжный отдел теперь самостоятельно определял, «кто из научных работников Советского Союза имеет право на выписку иностранной литературы». Таким ученым направлялись соответствующие предложения отдела [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 736, л. 1а, 5]. В течение 1935 года шла планомерная ликвидация ячеек Книжного отдела КСУ на местах. В декабре 1935 года этот процесс закончился расформированием Книжного отдела в Ленинградском отделении КСУ. Лишение большинства региональных ученых права на получение иностранной литературы вызвало бурю негодования местных научных сообществ. Ученые слали протесты в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), в Совнарком СССР, вплоть до председателя Совнаркома В. М. Молотова. Практику «секретного распределения фондов иностранной литературы» называли «недопустимо бюрократической», «грубейшим образом» нарушающей «директивы партии и правительства» в вопросе освоения новейших иностранных научно-технических достижений [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 735, л. 1а — 2; д. 736, л. 5 — 5 об.]. Все оказалось тщетным. Отныне единственным местом в СССР, где когорта избранных ученых могла получить в личное распоряжение иностранную научную литературу, являлось помещение Книжного отдела КСУ по адресу: ул. Пречистенка, д. 16.

Помимо собственно книжного склада, в этом здании располагались другие структуры Книжного отдела, в том числе библиографическая часть. Ее задача состояла в подыскании нужных иностранных книг и журналов для ученых, выдача им библиографических справок и списков. В библиографической части Книжного отдела имелось большое количество каталогов, проспектов и справочников иностранных издательств и книготорговых фирм, в том числе на новейшую литературу [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 712, л. 13 об.].

Многие ученые предпочитали работать с каталогами самостоятельно. По инициативе Книжного отдела КСУ во Всесоюзной (Государственной) библиотеке им. В. И. Ленина с 1933 года стала проводиться постоянная выставка новинок иностранной монографической литературы [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 464, л. 1—4].

Функции Книжного отдела трактовались ЦЕКУБУ, а затем КСУ расширенно. Согласно традиции, установленной еще в 1920-е годы, отдел получал из-за границы по заявкам ученых не только книги и журналы, но и приборы, научное оборудование для экспериментов. Все это расходилось по НИИ и лабораториям со складов отдела [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 420, л. 1—52; д. 712, л. 14]. При Книжном отделе имелась также переплетная мастерская, которая выполняла по заявкам ученых и научных библиотек особо сложные работы по нестандартным переплетам изданий.

Одной из сопутствующих функций Книжного отдела являлось государственное администрирование в вопросах членства советских ученых в иностранных научных обществах. Состоя в таких международных обществах (нередко еще с до-революционных времен), ученые уплачивали в них ежегодные членские взносы, в обмен на что большинство обществ высылало ученым свои журналы и труды. Последнее обстоятельство и послужило причиной отнесения данного сегмента работы КСУ к компетенции Книжного отдела.

В 1920-е годы, идя навстречу обнищавшим ученым, ЦЕКУБУ взяла на себя уплату из государственных валютных средств ежегодных взносов в иностранные научные общества для тех, кто состоял в ее списках. Присылаемая из обществ литература бесплатно пополняла библиотеки ученых. В 1930-е годы эстафету приняла Комиссия содействия ученым. В 1932 году ею были составлены списки научных работников СССР, состоявших членами иностранных научных обществ [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 433, л. 1—40]. В дальнейшем эти списки уточнялись и пополнялись, а КСУ регулярно оплачивала ученым их членство в международных организациях.

Так было до декабря 1935 года, когда идеологи ВКП(б) поставили перед КСУ вопрос о политической неприемлемости членства советских ученых в научных обществах нацистской Германии, а заодно и других стран, недружественных к СССР. Особо порочной для облика советской науки признавалась практика публикации статей авторов из СССР в научных журналах «фашистских» и капиталистических стран. К январю 1936 года КСУ составила «черный список» провинившихся ученых [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 679, л. 1—15].

22 сентября 1936 года в Московском Доме ученых КСУ провела общее собрание научных работников столицы «по вопросу о связи с иностранными научными обществами и журналами» [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 821, л. 25—57 об.]. Несмотря на мягкое сопротивление ряда ученых, которым не хотелось расставаться с возможностью получать труды старейших научных корпораций мира, КСУ продиктовала на собрании ожидаемое решение: ученым предлагалось написать заявления о выходе из иностранных обществ и отказаться от получения их печатных материалов. Подразумевалось, что «отщепенцев» ждет неминуемая кара. В течение октября 1936 года КСУ разослала иногородним ученым аналогичные письма с вопросами об их членстве в иностранных обществах. В конце 1936 — начале 1937 года в адрес

КСУ пошли десятки писем ученых с отказом от членства в иностранных научных обществах — не только германских, но также французских, английских, американских [ГАРФ, ф. р-4737, оп. 1, д. 821, л. 58—200]. Государственный патронат над учеными, таким образом, приобрел репрессивно-ограничительные функции, окончательно подмявая под себя такие понятия, как свобода исследования, право выбора, независимость науки от политики и т. п.

Наступавшая эпоха массовых репрессий вообще делала ненужной такие инструменты социальной поддержки интеллигенции, каким была КСУ. 11 ноября 1937 года Совнарком принял Постановление № 2002 «О ликвидации Комиссии содействия ученым при СНК СССР» [Осипова, 2018, с. 381; ГАРФ, ф. р-5446, оп. 1, д. 140, л. 320]. В Постановлении говорилось, что широкое развитие и укрепление учебных и научно-исследовательских учреждений в СССР «создали ученым все необходимые условия для их научной работы». Задачи КСУ признавались исчерпанными, и сама она упразднялась. Такой важнейший элемент Комиссии, как ее Книжный отдел, передавался со всей клиентурой в состав Академии наук СССР.

5. Заключение

Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР, заменившая в 1931 году свою предшественницу — Центральную комиссию по улучшению быта ученых — была призвана обеспечить лояльность советского научного сообщества, в первую очередь элиты ученых, коммунистическому государству. Сервилизм интеллигенции первоначально достигался с помощью предоставления усиленных продовольственных пайков, прикреплением к спецраспределителям, распределением талонов на дефицитные промышленные товары и услуги, другими мерами материального и культурного обслуживания. Если в начале 1920-х годов, во времена ЦЕКУБУ, а затем в конце 1920-х — начале 1930-х годов, в результате реализации политики «великого перелома», такая государственная поддержка была мерой элементарного спасения ученых от голода и нищеты, то в дальнейшем особые условия обеспечения, которыми власть «покупала» преданность крупных ученых, стали способом отделения верхушки научного сообщества от рядовой массы работников науки, возведения научной элиты в ранг верных столпов сталинского режима.

К середине 1930-х годов удовлетворение обычных материальных нужд ученых утратило былую актуальность. Представители академической и вузовской элиты предъявляли требования на лучшие условия научного труда, поддержание международных научных связей, получение зарубежной научной литературы. Эти вопросы оказались в центре внимания Комиссии.

В конечном счете Комиссия содействия ученым добилась поставленных целей. Иждивенчество привязало ученых к советскому государственному порядку, заставило их (наряду со страхом репрессий) воспевать, хотя бы в официальной обстановке, тоталитарную диктатуру, принимать все предложенные ею правила игры. На входе в революцию в России имелась влиятельная независимая корпорация ученых — на выходе осталась служивая масса научных работников с редким вкраплением смутьянов, которых власть ловила и карала.

Можно, таким образом, констатировать, что Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР явилась в 1930-е годы весьма эффективным инструментом управления советским научным сообществом. Наряду с другими государственными учреждениями она обеспечила политический триумф большевизма в Советском Союзе.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-4737. Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР. Оп. 1. Д. 355, 376, 420, 422, 423, 433, 458, 464, 508, 535, 572, 679, 712, 722, 735, 736, 821.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-5446. Совет народных комиссаров — Совет Министров СССР. Оп. 1. Д. 59, 140.
3. КСУ — *Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР*.
4. ЦЕКУБУ — *Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнарком СССР*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова Л. И.* Формирование советской научной интеллигенции. 1917—1927 годы / Л. И. Иванова. — Москва : Наука, 1980. — 392 с.
2. *Осипова Н. М.* Документы Книжного отдела АН СССР в Архиве Российской академии наук / Н. М. Осипова // *Современные проблемы книжной культуры : основные тенденции и перспективы развития : материалы IX Международного научного семинара (Москва, 24—25 октября 2018 г.)* : в 2 ч. — Минск : Центральная научная библиотека НАН Беларуси ; Москва : Наука, 2018. — Ч. 1. — С. 380—384.
3. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 / Е. А. Осокина. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 351 с.
4. *Посадсков А. Л.* Комиссия содействия ученым при Совнаркоме СССР как инструмент управления советским научным сообществом в 1931—1937 годах / А. Л. Посадсков // *Научный диалог*. — 2019. — № 9. — С. 407—421. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-407-421.
5. *Пушкарева Н. Л.* «Содействие ученым» в Советской России 1917—1941 годов (К истории повседневности научных работников в довоенное время) / Н. Л. Пушкарева // *Город и горожане в Советской России 1920—1930-х годов : мир эмоций и повседневных практик : сборник научных статей*. — Краснодар : Традиция, 2017. — С. 318—343.
6. *Хабибрахманова О. А.* Властные стратегии и тактики по улучшению качества жизни научной интеллигенции в 1920—1930 гг. / О. А. Хабибрахманова. — Казань : Арт-кафе, 2008. — 116 с.

SOVIET SCIENTIFIC ELITE OF THE 1930s UNDER THE PATRONAGE OF THE COMMISSION FOR THE PROMOTION OF SCIENTISTS UNDER THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE USSR: LIFE, HEALTH, INTERNATIONAL BOOK RELATIONS (1934—1937)¹

© Alexander L. Posadskov (2019), orcid.org/0000-0002-2341-5415, Doctor of History, professor, Federal State Budget Scientific Institution The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), knigoved@spsl.nsc.ru.

1 The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-011-00170.

The article is devoted to the history of the Commission for the Promotion of Scientists (CPS) under the Council of People's Commissars of the USSR, which existed in 1931–1937. It is reported that the CPS replaced the Central Commission for the Improvement of the Life of Scientists (CCILS), which had operated under the Council of People's Commissars of the USSR since 1921. It is shown that in the first years of its existence, the Commission continued the traditional directions of state supervision over the material, logistic, housing, and leisure aspects of the life of Soviet scientists (which was typical for CCILS), and then, from the mid-1930s, the Commission acquired new functions and strengthened some of the previous areas of activity that have become more in demand among scientists. Among these areas, in particular, the propaganda of scientific achievements of the USSR, which had been updated by that time, the provision of scientists with foreign scientific literature, and the improvement of medical and health resort services for the highest stratum of the scientific intellectuals are mentioned. The author of the article claims that the Commission for the Promotion of Scientists was an effective tool for managing the Soviet scientific community from a totalitarian state. It is proved that in the 1930s it solved the problem of "buying" loyalty and devotional service of the top scientific intellectuals to the communist government in exchange for benefits, privileges and preferences.

Key words: Commission for the Promotion of Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR; Central Commission for the Improvement of the Life of Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR; Soviet science; Soviet scientists; 1930s.

MATERIAL RESOURCES

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. R-4737. Komissiya sodeystviya uchenym pri Sovnarkome SSSR. (In Russ.).

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. R-5446. Sovet narodnykh komissarov — Sovet Ministrov SSSR. (In Russ.).

KSU — *Komissiya sodeystviya uchenym pri Sovnarkome SSSR*. (In Russ.).

TSEKUBU — *Tsentralnaya komissiya po uluchsheniyu byta uchenykh pri Sovnarkome SSSR*. (In Russ.).

REFERENCES

Ivanova, L. I. (1980). *Formirovaniye sovetskoy nauchnoy intelligentsii. 1917—1927 gody*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Khabibrakhmanova, O. A. (2008). *Vlastnyye strategii i taktiki po uluchsheniyu kachestva zhizni nauchnoy intelligentsia v 1920—1930*. Kazan': Art-kafe. (In Russ.).

Osipova, N. M. (2018). Dokumenty Knizhnogo otdela AN SSSR v Arkhive Rossiyskoy akademii nauk. In: *Sovremennyye problemy knizhnoy kultury: osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy IX Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (Moskva, 24—25 oktyabrya 2018 g.)*. 2/1 Minsk: Tsentralnaya nauchnaya biblioteka NAN Belarusi; Moskva: Nauka. 380—384. (In Russ.).

Osokina, E. A. (2008). *Za fasadom «stalinskogo izobiliya». Raspredeleniye i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927—1941*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

Posadskov, A. L. (2019). Committee for Assistance to Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR as an Instrument for Managing the Soviet Scientific Community in 1931—1937. *Nauchnyi dialog*, 9: 407-421. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-407-421. (In Russ.).

Pushkareva, N. L. (2017). «Sodeystviye uchenym» v Sovetskoy Rossii 1917—1941 godov (K istorii povsednevnosti nauchnykh rabotnikov v dovoyennoye vremya). In: *Gorod i gorozhane v Sovetskoy Rossii 1920—1930-kh godov: mir emotsiy i povsednevnykh praktik*. Krasnodar: Traditsiya. 318—343. (In Russ.).